

ТЕРРОРИЗМ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ВОЙНА. СКОЛЬКО ВСАДНИКОВ У АПОКАЛИПСИСА?

Борис Кашников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID ID: 0000-0002-4412-8802

Резюме. В статье содержится критика ортодоксальных представлений о терроризме, которые допускают категориальную ошибку, определяя терроризм как объективный институт наподобие войны, или как объективный метод массового насилия, наделяя его признаками противоположными принципам справедливой войны. Ошибка эта проистекает, в частности, от популярного определения терроризма, как формы несправедливой войны в виде нападения нелегитимных вооруженных групп на невинных людей с целью оказания давления на правительство. В действительности «терроризм» может быть не менее «справедлив» чем война, и уверенность в собственной справедливости является одним из главных источников и целей того, что называют терроризмом. Качественная определенность «терроризма» заключена не в объективной характеристике его институциональных свойств, стратегий или тактик, но в субъективной оценке мотивов, средств и целей любых вершителей насилия. Я предлагаю три критерия субъективной оценки терроризма. Это кажущаяся неразумность мотивов,

предполагаемая деперсонализация противника и не реализуемость абсолютных целей насилия. Терроризм существует не как институт подобный войне, геноциду или революционному насилию, или их метод, но как внешняя и всегда субъективная оценка, что делает бессмысленной саму идею борьбы с терроризмом. При этом сама изменяющаяся природа современной войны и иных форм массового насилия неизменно и неуклонно влечет к тому, что мы склонны оценивать как терроризм. «Терроризм» возникает не вопреки, или вне «справедливой» войны, но вырастает как следствие субъективной телеологии самих принципов справедливой войны.

Ключевые слова: *терроризм, справедливая война, массовое насилие, радикальный исламизм.*

Введение

Впечатление, которое складывается при чтении современных работ о терроризме, заключается в том, что, помимо четырех известных всадников Апокалипсиса из шестой главы Откровения Иоанна Богослова, к каковым относятся Мор, Война, Голод и Смерть, мы получили еще одного, а именно Терроризм. Терроризм не является институциональной формой насилия, сопоставимой с войной, не существует наряду с иными формами массового насилия и не сводится даже к их методу, но является результатом оценки любой из форм и методов. Это оценочное, субъективное и сравнительное понятие, обозначающее наше отношение, а не объект, против которого можно бороться. В этой статье я намерен продолжить критику ортодоксальных представлений о терроризме, которые предпринимались «критическим исследованием терроризма» (Critical Terrorism Studies)¹. Существо критики может быть выражено следующим образом: «Ортодоксальное направление имеет общую тенденцию рассматривать терроризм как свободный, онтологически стабильный феномен, который может быть объективно идентифицирован и изучен посредством традиционных методов социальной науки» (Jackson, Jarvis, Gunning and Breen-Smyth, 2011, p. 15). Терроризм в ортодоксальной догматике нередко рассматривается не только как институт, подобный войне, но как заговор со зловещими планами. Ортодоксальное представление подвергается критике за его позитивизм,

евроцентризм, идеологическую предвзятость и политическую ангажированность. Из подобных представлений вытекает миф о возможности «войны с террором», который был с завидным единодушием подхвачен спецслужбами всего мира².

Разумеется, война в Откровении выступает в предельно обобщенном смысле, как всякое вообще массовое насилие и потому обобщенный образ можно разбить на целый ряд конкретных разновидностей массового насилия, но это не значит, что мы можем бесконечно пополнять список всадников Апокалипсиса. Согласно известной классификации Малесевича существуют четыре основные формы массового насилия, к числу которых он относит собственно войну (в узком смысле), революционное насилие (восстание), геноцид, криминальное насилие и терроризм (Malesevic, 2017). При этом в книге нет убедительных доказательств, почему терроризм должен составлять еще одну из форм массового насилия. В действительности терроризм выступает как особая и всегда субъективная оценка любой из институциональных форм массового насилия, но не составляет самостоятельной формы. Я попробую обосновать эту мысль в первом разделе настоящей статьи, а также сравнить в этом отношении терроризм и войну. Во втором разделе я обращусь к анализу терроризма и покажу, что при ближайшем рассмотрении терроризм распадается на множество не связанных между собой «терроризмов», которые не имеют между собой ничего общего, кроме оценочной способности вызывать страх. Они объективно не составляют ни онтологического, ни прагматического единства, которое могло бы быть выражено в обобщенном и объективном понятии. В

третьем разделе я рассмотрю терроризм с точки зрения тех качеств, которые обыкновенно отрицают для террора и считают возможными для войны, а именно, справедливость. Я намерен показать, что терроризм (точнее то, что называют терроризмом) может быть куда более справедлив, нежели война, если исходить из известного набора принципов теории справедливой войны. Несоблюдение принципов *Jus ad Bellum* и *Jus in Bello* не может служить определением терроризма³. В четвертом разделе я перейду к поиску объективного основания оценочной категории «терроризм». Хотя понятие и лишено объективного и фактического смысла, это не означает, что субъективная оценка «терроризм» не имеет некоторого объективного предмета, который я и попытаюсь определить.

Под терроризмом в самом общем смысле можно понимать насилие, выходящее за рамки привычного, в силу особенностей мотивов, средств или целей, и потому вызывающее страх⁴. До начала эпохи Просвещения трудно было кого-то удивить насилием, и оно не могло быть столь изощренным, вероятно, по этой причине не было и термина «терроризм» (Miller, 2013). Но насилие, которое мы теперь могли бы назвать этим словом, сопровождало человеческую историю всегда и первым «террористом» был господь Бог, который практиковал «терроризм», помогая избранному народу: «Ужас Мой пошлю пред тобою, и в смущение приведу всякий народ, к которому ты придешь, и буду обращать к тебе тыл всех врагов твоих» (Исход: 23, 27). Аристотель⁵ различал две формы войны. Та, которую ведут греки между собой, ведется по разумным причинам, регулируется правилами и заканчивается миром. Война,

которую ведут против варваров, может иметь иные мотивы, средства и цели. Такая война есть разновидность охоты. Она не обязательно разумна, ее средства не предполагают уважение к противнику, а целью не является мир. Ее задача – сеять ужас среди варваров и отбивать у них охоту к набегам. Это война никогда не заканчивается. В этом можно обнаружить основание современного мифа о терроризме, поскольку террористы это и есть варвары в восприятии современного европейца. В действительности греки и впоследствии европейцы часто позволяли себе, по выражению И. Канта насилие, от которого «отшатнулись бы последние дикари» и не только по отношению к дикарям, но и по отношению друг друга. Повергающее в ужас насилие могло иметь разные способы обоснования. Сначала это были главным образом аффект или традиция. В эпоху Средних Веков политическое насилие находило оправдание в религии. Под влиянием Макиавелли акцент был перенесен на рационально-этическое обоснование. По мере утверждения идеи народного представительства право на насилие постепенно стало переходить от государя к народу. Государство Нового Времени, неважно монархия или республика, должно было вызывать страх, как неумолимый механизм, способный при случае прибегнуть к террору, черта государства, которая сохраняется вплоть до настоящего времени. В 18-ом веке терроризм, который до сих пор оправдывался религией, моралью и рациональностью, получил идеологическое оправдание. Якобинцы превратили государство в машину систематического государственного террора. Именно тогда и родился специальный термин «терроризм», с помощью которого обозначалась стратегия систематического насилия, направленная главным против представителей прежнего

привилегированного сословия. Она могла стать возможной лишь в результате соединения идей народного представительства, утилитарной философии, чрезвычайных полномочий власти, пропаганды и прессы. Следует заметить, что этот ТЕРРОРИЗМ отличался от наивного «терроризма» прошлых веков, не имевшего даже специального названия. Он отличался специальным, театрализованным и мифологизированным обращением к насилию «темных веков», именно потому, что представители «regime ancient» не способны понять иного языка и не достойны иного обращения. Насилие должно быть не просто жестоким, но рациональным, бескомпромиссным, механизированным, деперсонализирующим унижительным и абсолютным. Эти черты отличают террор Просвещения от прежнего наивного и безымянного террора.

Эти черты сохранились за терроризмом до настоящего времени. В течение всего 19-го века европейские государства вели террористическую войну в колониях и применяли террор против своего собственного народа. Революционеры расплачивались той же монетой. Наибольшего успеха в этой борьбе достигли русские террористы 19-го и начала 20-го века, им удалось пошатнуть здание империи. После совершения Октябрьского переворота террор вернулся к своему исходному состоянию – террору государственному. Впоследствии, в большинстве Европейских стран, политический негосударственный терроризм не находил массовых сторонников вплоть до 1921 года, когда Англия смогла в полной мере ощутить угрозу ирландского терроризма. Начиная с 1950-х годов, террор стал широко практиковаться в качестве стратегии антиколониальной борьбы и тактики небольших групп

идеологических радикалов в Европе. Начиная с 1970 годов негосударственный террор в Европе начал переходить в новую фазу своего развития. Именно тогда впервые заявил о себе так называемый палестинский терроризм, связанный с незаконной оккупацией Израилем Палестины. По мере своей исламизации он стал основой того, что теперь называют апокалиптическим терроризмом, тесно связанным с исламским фундаментализмом.

Исламский фундаментализм в свою очередь тесно связан с либеральным глобализмом, в недрах которого сформировался современный миф о терроризме как разновидности трансцендентного зла, предотвратить которое может лишь справедливая и глобальная власть, получившая исключительные полномочия⁶. Такая точка зрения оказалась очень удобной для интернационала спецслужб всего мира. Она позволяет оправдывать войну, и одновременно, демонизировать противника, объявляя его по мере надобности террористом. При этом террор по отношению «террористов» и поддержка «своих» террористов выступает как естественное и дозволенное средство борьбы с глобальным «терроризмом». Терроризм и в этом отношении стал подобен Богу. Если бы терроризма не было, его пришлось бы придумать. Терроризм стал ярлыком, наклеив его на противника, можно уже более не считать его за достойного врага и поступать так, как и следует поступать с врагом человечества⁷. Современные официальные определения терроризма, как правило, основаны на этом мифе. Прежде (примерно до 70-х годов) мы почти не слышали о терроризме, но слышали о партизанах, повстанцах, революционерах, диверсантах и этого было

вполне достаточно. Теперь даже подросток с рогаткой может быть квалифицирован как террорист. Все в одночасье стали террористам, хотя в их деятельности ничего не изменилось. Не увеличилось и число жертв. Следует заметить, что слухи об опасности терроризма сильно преувеличены. Ежегодно от актов террора, начиная с 1968 года, гибнет от 300 до 700 человек в год во всем мире. При этом 2 миллиона человек гибнет ежегодно в автомобильных катастрофах (Jackson, Jarvis, Gunning and Breen-Smyth, 2011, p. 132-133). В некоторых странах, например в России, эта диспропорция больше в разы.

Терроризм и массовое насилие

Терроризм, если в нем вообще есть смысл, не просто отличается, но категориально отличается от войны, революции, геноцида и криминального насилия. Утверждение обратного представляет собой разновидность того, что Гильберт Райль называл «категориальной ошибкой» (Ryle, 1949). Ошибкой, при которой объект, принадлежащий какой-либо категории, представлен так, как если бы он принадлежал другой категории, или ему приписывают характеристики, которыми он не может обладать. Именно это происходит с терроризмом в том случае, если он перечисляется в одном категориальном ряду с основными формами массового насилия. Терроризм не обладает не только антологическим статусом, но и признаками институциональности, которыми обладают война, революция, геноцид и криминальное насилие. Это не социальный институт, наподобие войны, но один из субъективных способов оценки любого из институтов массового насилия, его стратегии,

тактики, мотивов или целей. Любое массовое насилие лишь тогда может быть эффективным и успешным, когда вызывает страх. В этом смысле любое насилие – терроризм. Разница может заключаться лишь в том, у кого и какими средствами может быть вызван страх. Современное насилие, в условиях непредсказуемой мощи средств массового уничтожения и хрупкости экологической системы, вызывает страх стократ, не важно кто к нему прибегает.

Иной стороной того же самого заблуждения является рассмотрение терроризма по аналогии с войной. В этом случае терроризм предстает перед нами не только как особая форма институционального массового насилия, но и как моральная противоположность идеализированной войны. Такая концептуализация восходит к Аристотелю и характеризует войну варваров. Она позволяет достичь двух целей: концептуально оправдать свою войну и демонизировать чужой «террор», представив противника в качестве уголовника и «террориста». Если рассмотреть современные определения терроризма, то это негативные определения, подобные определению Бога в апофатической теологии, где Бог определяется посредством того, *что он не есть*. Подобно тому как в теологии тем самым подчеркивалась таинственность и непознаваемость Бога, в современных определениях терроризма тем самым подчеркивается демонический характер террора. Большинство современных определений трактуют терроризм посредством отрицания для него основных нормативных признаков войны либеральной теории справедливой войны. (Нравственные ограничения войны, 2002). Соответственно терроризм понимается как прямое отрицание всех или

большинства принципов справедливой войны, но в особенности принципов легитимности *Jus ad Bellum* и принципов избирательности и пропорциональности *Jus in Bello*. Терроризм предстает как массовое насилие, которое нелегитимно, диспропорционально и неизбирательно. Это и есть шаблонное определение ортодоксальных концепций. Все официальные определения терроризма – это негативные определения, которые основаны на отрицании принадлежности терроризма справедливой войне⁸. В большинстве этих определений отрицается также и возможность существования государственного терроризма, что прямо противоречит логике и фактам. Создаваемый при этом идеологический миф представляет собой разновидность манихейских воззрений, поскольку раскалывает мир на два равносильных враждебных лагеря и существо происходящего в этом мире определяется борьбой сил зла, несправедливости, терроризма и сил добра и справедливости.

Есть объективные причины, которые заставляют отбрасывать принципы справедливой войны, даже в вынужденной войне и навязанной нам войне. В современной асимметричной войне (Gross, 2002) слабая сторона не имеет никакой иной возможности противостоять более сильной и технически оснащенной стороне, кроме как посредством нападения на гражданских лиц. Террор в отношении «демократической общественности» в этом случае неизбежен, поскольку общественность не только поддерживает, но и испытывает садистское удовлетворение, наблюдая за «справедливым» возмездием варварам по телевизору, не говоря уже о поддержке правительства налогами. Это обстоятельство хорошо описано в книге Эндрю Басевича (Bacevic, 2005) на примере США,

но нечто подобное имеет место в любой иной стране. Но и сильная сторона не чужда «терроризму». Одна из главных причин – это манихейская уверенность в собственной справедливости, подогреваемая теорией справедливой войны и презрением к противнику. Идеология манихейства, заявляющая о себе в виде известных призывов к гуманитарным интервенциям, демократизации, к «войне с террором» не только переводит вражду в плоскость того, что Клаузевиц называл враждой абсолютной и требует полного уничтожения противника любыми средствами, но и провозглашает это в качестве справедливости.

Мотивы, средства, цели и многообразие террора

Терроризм не представляет собой института подобного войне, но является формой его субъективной оценки. По этой причине терроризм не поддается однозначному определению и всегда распадается на множество разнообразных практик, примыкающих и следующих за той или иной институциональной формой массового насилия⁹. Террористическое действие не существует обособленно от основных форм насилия. Оно может совпадать с военным действием. Но в любом случае террористическое действие остается действием социальным, коммуникативным и символическим и потому основные виды террористических действий полностью соответствуют видам социальных действий согласно классификации Макса Вебера (Вебер, 1990, с. 20)¹⁰, с той только существенной поправкой, что это коммуникативные действия, направленные не столько на прямой результат, сколько провоцирующие оценку. А именно: аффективные действия, традиционные действия,

ценностно-рациональные действия и рациональные действия. Причем степень рациональности возрастает по мере перехода к каждому последующему виду. Соответственно, можно говорить о различии «терроризма» отчаяния (аффективного), традиционного «терроризма», идеологического «терроризма» (ценностно-рационального), рационального «терроризма». Я заключаю все эти терроризмы в кавычки, поскольку рассматриваю их не как объективную характеристику действительности, но как возможные варианты субъективных оценок, которые, как правило, не совпадают в конкретных случаях оценки.

Однако классификация Вебера страдает ограниченностью. Она не принимает во внимание новейшие развития в рамках представлений о субъективности и рациональности, связанные с феноменом, так называемой, «смерти субъекта» (Фуко). Вот почему классификацию Вебера мне придется дополнить действием пост рациональным, а классификацию террористических действий – апокалиптическим терроризмом¹¹. Эти разновидности террористического действия различаются по своим мотивам, смыслам и целям. О каждой из этой разновидности я скажу несколько слов¹².

Аффективный «терроризм». Подобные действия, как правило, являются непосредственным результатом сильного аффекта ненависти и безысходности. Аффективный террорист не имеет рационального долговременного плана и не стремится посеять ужас. Он озабочен лишь одним – немедленно выразить ненависть, презрение и страх, не думая о последствиях. Такие действия нередко приобретают массовый характер и имеют социальный смысл или последствия, совпадающие с

целенаправленным и систематическим террором. Тем не менее именно эти действия составляют основную массу того, что мы называем терроризмом, и они неизменно подпадают под соответствующую статью уголовного кодекса. Большинство террористических актов совершают одиночки, а так называемые террористические организации лишь паразитируют на аффекте и склонности некоторых людей к суициду. В одном только Ираке в результате войны 2003 года сотни тысяч детей остались сиротами. Десятки тысяч остались сиротами в Чечне. Многие потеряли родных и близких. Эти люди еще долго будут наносить одиночные удары по торжествующим победителям и охотно примыкать к наиболее радикальным организациям или вести свою индивидуальную войну на собственный страх и риск. Число их будет расти по мере расширения «борьбы с террором».

Традиционный «терроризм». То, что я называю традиционным «терроризмом», вытекает из традиции, а не аффекта. Но и эта разновидность имеет лишь внешнее сходство с действием рациональным и сознательным террором. Мотивом этого действия является традиция, а не террор сам по себе. Желаемым результатом – поддержание традиции, а не нагнетание страха или изменение состояния социума. Примером подобного рода «террористического» действия могут быть многочисленные акты кровной мести в Чечне или Афганистане по отношению солдат армии интервентов или гражданских лиц. Смерть родственника по причине военного действия или случайной бомбардировки должна быть отомщена. Мечь осуществляется либо в отношении солдат в целом, либо в отношении какого-либо

определенного подразделения, ответственного за смерть того или иного представителя клана. Даже жертвенный терроризм так называемых «черных вдов» в Москве часто имел прямое отношение к традициям кровной мести (Кашников, 2008а; Агај, 2008). Миллионы людей в Ираке, Афганистане и Чечне, потерявшие своих родных в ходе антитеррористических операций, еще долго будут мстить победителям¹³.

Идеологический «терроризм». Идеологический терроризм имеет отношение к ценностно-рациональному действию (Hewlett, 2016). Именно эта разновидность послужила началом возникновению классического терроризма, и этот терроризм мог иметь объективный смысл, которого мы более не наблюдаем, поскольку террор некогда имел место в качестве сознательной и объективной цели. В настоящее время никто не называет себя террористом, а те, кого называют так, очень часто объективно являются менее «террористами», нежели те, кто борется с ними. В основе исторического идеологического терроризма лежит представление о желательном (ценном) состоянии общества, которого необходимо достичь любой ценой. Первой исторической формой подобного терроризма был государственный терроризм якобинцев в конце 18-го века. Первой негосударственной формой был русский революционный терроризм конца 19-го, начала 20-го веков, от «Народной воли» до социалистов-революционеров. В обоих случаях это был сознательный террор с целью создания атмосферы страха, паралича воли противников и утверждения нового общества, основанного на новых ценностях. Насилие, убийства и казни оправдывались величайшей ценностью нового общества. Сам термин «терроризм» возник именно для

обозначения этой разновидности террора, и возник он по той причине, что террористы, как государственные, так и революционные, носили это имя с гордостью и даже бравадой. В настоящее время никто не признает себя террористом и терроризм этого рода становится исключением из общего правила, хотя его характерные черты были унаследованы апокалиптическим терроризмом. И не только им. Один из парадоксов нашего времени заключается в том, что современная «борьба с террором» имеет по сути тот же политико-эсхатологический смысл, что и «террор» якобинцев, хотя из скромности не называет себя так. В конце концов, разница между идеологической и религиозной эсхатологией не так велика.

Рациональный «терроризм». Достижение многих рациональных целей может быть успешным в случае успешного нагнетания страха на противников. Рациональный терроризм мог бы рассматриваться как стратегия или тактика любой из форм массового насилия, и именно так определяет терроризм Майкл Уольцер (Walzer, 2000, p. 197), но проблема с таким определением заключается не только в том, что мы редко имеем дело с рациональностью того, что называют терроризмом, но и в том, что всякая рациональная борьба, в том числе и с «терроризмом», доходя до определенной степени напряжения, предполагает переход к нагнетанию страха, что не обязательно влечет за собой отказ от принципов *Just in Bello*, а если и влечет, то на это тоже есть справедливые основания. Создаваемый, так или иначе, ужас часто способствует успеху любой операции. Бомбардировка Хиросимы или городов Германии в ходе Второй мировой войны имела характер рационального и сознательного

террора. Расчет делался на создание атмосферы страха среди населения, что должно было парализовать волю к сопротивлению. Успешная террористическая вылазка Шамиля Басаева в Буденовске летом 1995 года на тот момент спасла чеченских сепаратистов от неминуемого разгрома и была рациональным средством борьбы, как бы мы к ней ни относились. К рациональному террору может прибегать организованная преступность, правительства, повстанцы и кто угодно. Эффект может быть достигнут как точечными убийствами, в том числе посредством дронов (беспилотных боевых летательных аппаратов), так и посредством неизбирательных массовых нападений на невинных людей. Такой террор часто бывает успешным. Создание еврейского государства в Палестине стало возможным главным образом посредством террора, направленного как против представителей Британской администрации, так и против палестинцев. Но с объективностью этого терроризма возникают проблемы, если только мы пытаемся рассматривать его как институциональную форму борьбы. Шамиль Басаев в одном из интервью с негодованием отверг характеристику собственной персоны как террориста, но предложил называть себя «диверсантом», заметьте, не отрицая не единого факта содеянного. В этом смысле он действовал в строгом соответствии с критерием Уольцера, который также полагал ковровые бомбардировки мирного населения Германии были не терроризмом, но формой «чрезвычайной необходимости» (Walzer, 2000, p. 254). В обоих случаях термин «терроризм» лишается смысла не по причине разногласия в фактах, но по причине различной их оценки. Хороший терроризм – это уже как бы и не терроризм. Соответственно,

террористом становится не тот, кто убил, а тот, кто не умеет представить это убийство в качестве высшей необходимости.

Апокалиптический «терроризм». Под апокалиптическим терроризмом (Flannery, 2016) можно понимать терроризм ИГИЛ и других религиозных групп исламских или неисламских (Аум Сенрике, Храм Солнца, Мунисты, Адвентисты седьмого дня и др.). Этот терроризм действительно обладает особенностями. Одной из них является широко разрекламированная практика «жертвенного терроризма» (Khosrokhavar, 2005, p. 162). Задача новых революционеров заключается в организации обещанного Богом судного дня, что очень похоже на эсхатологическое начало русской революции в понимании Н.А. Бердяева. Эта разновидность терроризма оказалась тесно связана с исламским радикализмом, хотя связь не означает идентичности. До недавнего времени считалось, что терроризм такого рода несовместим с государством. Однако он оказался достаточно гибким. Государственное образование под названием ИГИЛ доказало не только свою жизнеспособность, но и гибкость, то есть способность вести войну как «террористическими», так и более или менее традиционными способами (Solomon, 2016). Следует заметить, что апокалиптическим стал не только терроризм, но и борьба с ним. Современная конфронтация является собой взаимодействие равновеликих политических теологий похожих по степени идеологической обоснованности. Обе преисполнены абсолютной вражды, обе устремлены к глобальному господству. В рамках подобного рода манихейского представления либеральный консерватизм и исламский фундаментализм в равной степени нужны друг другу в

качестве взаимного обоснования и поддержания состояния абсолютной войны, в которой они обоюдно заинтересованы, так же точно, как нуждалась в «варварах» и борьбе с ними греческая цивилизация.

Терроризм и принципы справедливой войны

Ошибочность ортодоксальных представлений о терроризме становится очевидна, если мы рассматриваем действия тех, кого мы называем террористами, в свете известных принципов теории справедливой войны, полагая, что они неизменно нарушают эти принципы. При ближайшем рассмотрении мы можем убедиться, что эти принципы не противоречат практике террора, и утверждение иного есть не более чем миф. Более того, террор может быть единственной возможностью соблюдать принципы наиболее полно и в этом смысле можно сказать, если кто и соблюдает принципы справедливой войны, то исключительно террористы. Но что же тогда остается от объективного смысла терроризма? Н. А. Морозов (1854–1946), известный идеолог «Народной воли», развил основные положения философии сопротивления властям в своей знаменитой брошюре «Террористическая борьба» (1880). Из всех основных форм вооруженного сопротивления, предпочтение следует отдать «террористической революции». Морозов рассуждал о преимуществах «террористической революции» следующим образом: «Массовые революционные движения, где люди нередко встают друг против друга в силу простого недоразумения, где народ убивает своих собственных детей, в то время как их враги из безопасного убежища наблюдают за их гибелью, — она заменяет рядом отдельных, но всегда

бьющих прямо в цель политических убийств. Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершающемся зле. Террористическая революция представляет поэтому самую справедливую из всех форм революций» (Морозов, 1880, с. 7-8). Кроме того, террор выступает лишь как крайнее средство и немедленно будет прекращен, как только социалисты завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия – эти необходимые условия для широкой проповеди социальных идей (Кашников, 2009). Разумеется, речь шла об индивидуальном терроре. Но даже и массовые формы террористической борьбы в принципе могут быть более гуманными и морально обоснованными, по сравнению с тем, что считается дозволительным и приличным во всякой войне, особенно если террор направлен, например, исключительно на комбатантов. Но в любом случае, более гуманным делом представляется запугать людей, нежели их убить, если уж согласно Клаузевицу мы собрались навязать им свою волю.

1. Правое дело. В соответствии с этим принципом мы имеем основание применить насилие лишь в том случае, если наше дело является справедливым. Но те, кого мы называем террористами, тоже обычно считают свое дело правым и справедливым и во многих случаях не без основания. Даже французский моральный философ Жан-Поль Сартр считал терроризм Фронта национального освобождения Алжира вполне справедливым делом, но не борьбу с ним. В действительности, именно уверенность в справедливости своего дела в большинстве случаев и является источником терроризма. Основоположник современной либеральной теории справедливой войны, Майкл Уольцер (Walzer, 2000),

развивал доктрину «чрезвычайной необходимости» (supreme emergency exemption), которая позволяет демократическим государствам переходить к крайним мерам не только в случае большой опасности, но и в случаях целесообразности (Ross, 2004). Почему террор может быть дозволен во имя глобальной демократии, но не может быть дозволен во имя Аллаха великого? Кто может определить в каких случаях крайняя мера действительно крайняя, и какое дело является правым? Почему мы называем террористом Шамиля Басаева, но не генерала Грачева, который отдал приказ бомбить селение Ведено, в результате чего погибли родственники Басаева, что и спровоцировало его последующую вылазку?

2. Добрые намерения. Намерения являются добрыми лишь в той степени, в какой они совпадают с провозглашенной целью. За официально провозглашенной правотой дела часто скрываются совершенно иные намерения. За защитой населения от угрозы геноцида может стоять интерес политической и военной экспансии. За призывом к национальному самоопределению – интерес захвата власти небольшой группой полевых командиров. За свержением автократии может следовать может следовать тирания бывших борцов за свободу и т.д. Но терроризм в этом смысле ничем не отличается от любой другой формы массового насилия, включая войну и потому у нас нет оснований отказывать «террористам» в наличии добрых намерений, тем более, что ими вымощена дорога в Ад.

3. Легитимная власть. Право на ведение войны, согласно теории справедливой войны, принадлежит только узкому кругу субъектов права (государства, международные организации). Этот принцип, разумеется,

есть не более чем миф. Если строго настаивать на его осуществлении, никакие революции, перевороты и восстания никогда не будут возможны. Но в любом случае, террор, война или восстание находятся по отношению к этому принципу в совершенно одинаковом положении. В конце концов, существует государственный терроризм, который ни в коем случае этого принципа не нарушает. Является ли, к примеру, ИГИЛ легитимной властью? Мы называем его террористическим государством, но все же государством. С другой стороны, редкое государство не практиковало терроризм или не основано на незаконном перевороте в той или иной степени в то или иное время.

4. Пропорциональность. В соответствии с этим принципом насилие может быть справедливо, если оно гарантирует предотвращение еще большего зла и является меньшим злом по сравнению с тем, что неминуемо будет иметь место в противном случае. Например, если террористическое действие, направленное против одного единственного представителя элиты может помешать осуществить задуманный геноцид против всего народа, многие согласятся с Н.А. Морозовым, что террор может быть достаточно пропорциональным ответом на институциональное насилие правительства.

5. Разумная вероятность успеха. Предпринимать насильственные действия, не имея никаких шансов на успех, согласно этому принципу, означает совершать несправедливость. Но ведь и те, кого мы называем террористами, ни в меньшей степени могут быть согласны с этим принципом. Более того, сама природа террора такова, что террористы

часто ничем не рискуют и потому могут быть вполне уверены в вероятности успеха.

6. *Крайнее средство.* Насилие и тем более террор могут быть использован только после того как все ненасильственные средства (переговоры, санкции) были исчерпаны. Разумеется, этот принцип крайне субъективен и вряд ли вообще имеет какой-либо смысл. Тем не менее, те, кого называют террористами, охотно следуют этому принципу.

Два принципа *Jus in Bello* теории справедливой войны

1. *Пропорциональность.* Здесь тоже мы имеем принцип пропорциональности, хотя и в другом смысле. Его действие в данном случае направлено на тактику, а не на оправдание насильственных действий в целом. Каждое из конкретных применений насилия в ходе кампании должно быть пропорциональным, т.е. не быть чрезмерным с точки зрения достигаемой цели в каждом случае. Но как мы могли видеть из аргументации Н.А. Морозова, терроризм может быть мотивирован именно соображением пропорциональности. С другой стороны, современное оружие массового уничтожения непропорционально по определению и потому террор вполне может выступать, как способ избежать применения этих вооружений. Для террориста вообще не нужны в строгом смысле жертвы, нужен только слух о жертвах. Если можно добиться своих целей не убив, но только напугав людей, то это очевидно более пропорциональное средство. А потому можно

утверждать, что «терроризм» в принципе более гуманная форма борьбы, нежели война.

2. Дискриминация (Избирательность). В условиях войны законным объектом нападения являются только комбатанты и военные объекты, но не мирные граждане. Главное обвинение в адрес террористов заключается в том, что терроризм наносит неизбирательные удары по невинным людям. В действительности, террористическая борьба, может быть, куда более избирательна, чем современная война, что следует из аргументации Н.А. Морозова. Даже если это и не индивидуальный террор, он может превосходить в этом отношении современную войну, которая использует оружие неизбирательного уничтожения. Даже если это современные «умные» средства точечного уничтожения, как показывает практика, процент «сопутствующего вреда» (так в теории справедливой войны называются невинные жертвы, измеряемые в миллионах)¹⁴ не становится заметно ниже по той простой причине, что удары наносятся туда, куда раньше их не наносили.

Даже исламские «террористы», вопреки сложившемуся представлению, совсем не обязательно нарушают принципы справедливой войны. Напротив, Джихад, о необходимости которого говорят исламские радикалы, в действительности предполагает жесткие ограничения ведения войны. Все эгоистические мотивы, будь то месть, ненависть, вожделение или жажда славы считаются недопустимыми. Недопустимо и принесение в жертву невинных людей (Kelsey, 1993, p. 29). «Террористы» ИГИЛ свято придерживаются всех ограничений Корана, а если и нарушают, то именно потому, что хорошо усвоили уроки теории

справедливой войны, «доктрину двойного эффекта»¹⁵ и концепцию «чрезвычайной необходимости» Уольцера.

Субъективная природа терроризма и деградация войны

В предыдущем разделе я показал, что те, кого мы называем террористами, нередко способны соблюдать принципы справедливой войны, напротив, эти принципы очень часто не соблюдаются, причем, куда в большем объеме, в современной войне. Это означает, что негативные определения терроризма, построенные на признаках отрицания для террора принципов справедливой войны, просто не работают¹⁶. Терроризм имеет иную природу. Терроризм в современных условиях всегда выступает как ярлык, который наклеивают по мере надобности на противника. Но это не значит, что терроризм как оценочное понятие не обладает своим предметом оценки. В этом разделе я попробую его определить. Я не вижу большого смысла в термине «терроризм». Но избежать его в нынешних условиях можно лишь рискуя остаться непонятым. Можно вести борьбу против ИГИЛ, против сепаратизма, против попытки незаконного захвата власти, против преступности, но нельзя бороться против «терроризма», в особенности, если сама борьба приобретает все признаки «терроризма». Поскольку термин живет своей собственной жизнью, остается лишь придать ему хоть какой-то приемлемый смысл и свести вредные последствия к минимуму. В противном случае он так и будет являться нам, как тень отца Гамлета¹⁷. Качественная специфика терроризма заключается не в отсутствии справедливости, но в наличии некоторых особенных мотивов, стратегий и целей, которые мы склонны оценивать

соответствующим образом. Террористическая война в этом смысле есть одно из условий войны абсолютной, которую Клаузевиц полагал только существующей в виде логической абстракции и которую Карл Шмитт, определил как насущную тенденцию современной войны: «В мире, где партнеры, таким образом, взаимно врываются в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые разновидности абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде, и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того, как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно, никакая цена не является чрезмерно высокой» (Шмитт, 2007, с. 143). Я полагаю, что главным образом три субъективно воспринимаемых качества как предмета оценки лежат в основании «терроризма». *Первое, это кажущаяся неразумность мотивов «террористов». Второе, это предполагаемая деперсонализация противника в качестве средства, которое они практикуют. Третье, это видимая абсолютность вражды в качестве цели.*

Террор не обязательно заключается в количестве жертв, но вытекает из трех перечисленных особенностей, которые придают насилию одновременно блеск мифологизированного Просвещения и кошмар не менее мифологизированного варварства. Провозгласив режим террора, французская революция тем самым показала, что она хочет покончить с

прошлым абсолютно и что примирение невозможно. Применяв террористические средства, революционеры сознательно унизили и деперсонифицировали своих противников и тем самым показали свое полное к ним презрение. Дело было даже не в том, чтобы убить как можно больше противников режима, но в том, чтобы распространить об этом слух. Мотивы этого насилия выглядели неразумными с точки зрения представителей старого режима, а вражда представлялась абсолютной. Именно эти три черты и составляют предмет «терроризма» как оценочного понятия вплоть до настоящего времени. Эти три особенности составляют существо того театрального эффекта, которого добиваются «террористы». В этих особенностях заключается и коммуникативная природа терроризма и поэтому терроризм невозможен без средств массовой информации. Речь идет не только о театрализованных казнях, которые организуют ИГИЛ или Аль-Каэда¹⁸. Методы имеют для террористов значение, а не только жертвы. Подобный терроризм, это хотя и шаг к абсолютной войне, все же еще не сама война. На уровне войны абсолютной все формы, разновидности и способы насилия сливаются в общую тотальность и различия между формами насилия, даже если оно и было раньше, более не существует, а потому и нет разницы между терроризмом и войной.

Эти свойства террористического насилия отличают его от классической войны по Клаузевицу, которая представляет собой дуэль суверенных государств, в которой соблюдаются традиционные нормы приличия и уважительного отношения к противнику, включая гражданских лиц, целью войны является заключение мира на основе

компромисса, а мотивы разумны. Разумеется, любая разновидность вражды всегда лишь до некоторой степени приближается к состоянию войны абсолютной и всегда до некоторой степени соответствует характеристике классической войны. Почти полным воплощением логической абстракции абсолютной войны следует считать войну ИГИЛ, именно потому, что мотивы этой войны кажутся нерациональными, война ведется против «сатанинской тотальности», а не против людей и примирение на основе компромисса неизбежно.

С другой стороны, есть все основания утверждать, что и современная война вообще, становится по преимуществу войной абсолютной или, если хотите, террористической и в этом смысле происходит деградация войны (Kashnikov, 2017). Главное достоинство, которое утрачивает современная война, приобретая три вышеперечисленных свойства, это свойство «возвышенности»¹⁹. Возвышенность проистекает из уникальной контекстуальной комбинации человеческих совершенств, осуществляемых в ходе войны, таких как разумные мотивы, благородные средства и альтруистические цели. Именно их более не обнаруживают современные войны, в особенности, если это «война с террором» и в этом заключается один из главных источников современного «терроризма».

Неразумность мотивов. Страх, который внушают террористы, заключается главным образом в том, что, как нам представляется, они руководствуются непонятными и неразумными мотивами. Существует известный набор мотивов, которые лежат в основании войны, как национальных государств, так и иных субъектов. В их числе обычно называют интерес, безопасность, достоинство и честь (Lebow, 2010).

Известно также и то, что эти мотивы легко поддаются деградации и превращаются в свою противоположность – жадность, страх, мстительную злобу и высокомерие. Те, кого мы называем террористами, как мы полагаем, руководствуются вышеперечисленными неразумными мотивам, что не обязательно соответствует действительности. Но именно эти мотивы демонстрируют национальные государства в последнее время в своих войнах. Бессмысленная война США и союзников в Ираке 2003 года занимает в этом отношении особое место, хотя бы потому, что именно это война стала источником и условием создания ИГИЛ. Но не менее неразумной была и война России в Чечне в 1994–1996 годах и многие другие современные войны (Кашников и Коппиетерс, 2002).

Террористическая деперсонализация. Методы терроризмы предполагают не просто насилие, но насилие унижающее достоинство противника, именно это я и называю террористической деперсонализацией. Предполагаемая задача террористов не в том, чтобы убить как можно больше людей, но в том, чтобы сделать это с театрально подчеркнутым презрением к противнику и его ценностям. Деперсонализация не совпадает с возможным нарушением принципа избирательности *Jus in Bello*. Напротив, представляет собой соединение крайней избирательности с одной стороны и крайней не избирательности с другой. Крайняя избирательность выражается во внесудебных расправах при помощи точечных убийств и пыток. Неизбирательность достигается в результате нападения на невинных людей, причем там и тогда, когда этого можно меньше всего ожидать. В первом случае эффект ужаса достигается за счет непредсказуемости нападения и отсутствия

судебной процедуры. Во втором случае этот эффект достигается в результате соединения непредсказуемости и коллективной ответственности. В любом случае насилие имеет смысл унижения личностного начала противника, что подкрепляется речевыми практиками, когда для противника отрицается человеческое начало и все представители класса или этноса начинают именоваться как насекомые или паразиты.

Главное, что отличает солдата от преступника или палача, заключено в понятии чести: речь идет о чести по отношению к солдатам враждебной стороны и о чести по отношению к нонкомбатантам. Честь в данном случае выступает как моральная противоположность деперсонализации и унижения противника и способ ее предотвращения в ходе войны. Эта честь в первом смысле, и даже ее тень, так называемое «моральное равенство комбатантов», не существует в современных асимметричных войнах. Противник в современной «справедливой войне» это всегда преступник. Напротив, нравственный идеал классической войны предполагал уважительное отношение воинов противоположной стороны друг к другу, если это еще не абсолютная война. Современная теория справедливой войны уничтожает это необходимое различие, объявляя всех противников «справедливой стороны» преступниками. Например, Макмахан, не только отрицает старомодную норму морального равенства комбатантов, но и утверждает, что несправедливые комбатанты не имеют права даже на сопротивление справедливым комбатантов и уже за это должны быть наказаны (MacMahon, 2009). Дело не только в идеологии, есть целый ряд объективных процессов, которые способствуют

деградации войны. Среди них роботизация войны, в особенности появление боевых летательных аппаратов дистанционного действия, которые оставляют мало место для проявлений мужества и чести, превращая войну в разновидность охоты (Rae, 2014). В немалой степени общая тенденция аутсорсинга и передача войны в руки частных военных компаний не способствует поддержанию утраченного идеала воинской чести. Наемник не склонен рисковать жизнью иначе как за солидную плату и в моральном отношении уступает даже бандиту. В дополнение к деперсонализации, следующей из самой природы современных вооружений, современные военные действия используют и специальные приемы унижения противника, один из которых заключается в пытке (Brecher, 2007). Пытка – это тот же самый террор, только направленный на отдельного человека и потому достигающий еще большего эффекта. Поль Канн полагает, что подобное насилие имеет целью не только нанести ущерб, но унижить, и не только унижить непосредственную жертву, но и всех тех, кто видит в действиях жертвы выражение своей политической веры (Kahn, 2008). Иначе говоря, в пытке прослеживается то же стремление к деперсонализации противника, что и в предполагаемом терроризме.

Если речь идет о чести в отношении гражданских лиц следует иметь в виду одну общую тенденцию современной войны, которая делает ее весьма близкой терроризму. Речь идет об объективной тенденции увеличения потерь среди нонкомбатантов в современных войнах. Этот рост составляет с 10 до 90 процентов, если за точку отсчета брать начало 19-го века. Высокотехнологичные и точные вооружения не меняют эту

тенденцию. Широкое использование дистанционно пилотируемых боевых машин весьма проблематично с моральной точки зрения, не говоря уже о международном праве. Убийства при помощи дронов делают современную войну практически неотличимой от террористической борьбы народников. Эта тенденция особенно очевидна на фоне снижающегося числа потерь среди солдат преобладающей стороны в современном вооруженном конфликте. Общее число потерь среди гражданских лиц в современном вооруженном конфликте может быть не очень велико, но соотношение между числом погибших гражданских лиц враждебной стороны и числом погибших солдат интервентов говорит само за себя, что особенно удручает, если это «гуманитарная интервенция». Разрыв в этом отношении продолжает расти. Во Вьетнаме эта пропорция составляла 1 к 50. В Ираке эта пропорция составляет 1 к 200. Или один погибший солдат коалиции против 200 погибших иракцев, главным образом гражданских лиц (Tirman, 2011, 3-12). Речь не идет о преднамеренных убийствах гражданского населения, но население субъективно воспринимает подобные миссии как терроризм, со всеми вытекающими последствиями.

Абсолютная вражда. Философы войны и мира, начиная с Августина, считали войну оправданной только в том случае, если она способствует достижению прочного мира и представляет собой кратчайший путь к нему. Мы склонны оценивать вражду как терроризм, если предполагаем, что это путь абсолютной вражды. Классическая война по Клаузевицу должна заканчиваться и быть нацелена на достижение мира посредством компромисса. Если насилие заключает в себе какой-то иной смысл, кроме

кратчайшего пути к миру, то такое насилие вызывает страх и может оцениваться как терроризм. Но современная война, как правило, не предполагает достижения мира и в этом смысле тоже может быть заслуженно оценена как терроризм. Это война, которая нужна для поддержания самой себя, поскольку война во многом становится способом существования глобального мира в современных условиях, как показывают Хардт и Негри (Hardt and Negri, 2004). Война в этом случае, неважно террористическая или нет, становится абсолютной сначала по способу существования, а потом и по характеру. Если война становится абсолютной, различие между формами, методами и способами массового насилия стираются. Исчезает и сама война, как институт. Точнее, она растворяется в массовом насилии, в войне в более широком смысле и все что нам остается лицезреть вместо различных благородных и не очень благородных форм массового насилия, это второй всадник Апокалипсиса на красном коне, который один представляет собой войну, геноцид, восстание, терроризм и далее по списку.

Заключение

Количество всадников Апокалипсиса не изменилось. Терроризм не есть отдельная форма массового насилия и лишен институциональности, подобной войне, геноциду, криминальному насилию и т.д. Как только мы начинаем размышлять о терроризме, он распадается на множество не связанных между собой «терроризмов», привязанных к той или иной форме массового насилия, будь то война, геноцид или восстание. По этой же причине понятие терроризма лишено не только онтологического, но и

прагматического смысла, подобно тому, как лишен этого смысла «снег» в языке эскимосов, где существуют десятки слов для всех разновидностей снега. Тем более лишена смысла идея борьбы с террором. Ортодоксальное представление о терроризме исходит из либеральной теории справедливой войны и, по сути, означает войну, противоречащую принципам справедливости. Но сами принципы справедливой войны – в высшей степени абстрактные и субъективные – превращают «терроризм» в идеологический ярлык, который можно наклеить на противника и тем самым демонизировать его. Тем более что уверенность в собственной справедливости более всего способствует переходу войны в войну террористическую, напротив, террористическая война может быть войной справедливой. Нет ни одного практического действия, которое дает нам возможность предпринять общее понятие «терроризм» и тем самым прагматически его оправдать. Единственный смысл, заключенный в этом понятии, есть смысл эмотивный и оценочный. Этот смысл не изменился за всю историю человечества, не важно, существует термин «терроризм» или нет. Человеческий язык испытывает потребность в некотором слове, с помощью которого можно было бы обозначить насилие, выходящее за рамки привычного. Всякий раз, когда мы сталкиваемся с насилием, которое превосходит привычное своими туманными мотивами, недостаточно благородными средствами и тупиковыми целями, будь то война, восстание или его подавление, мы рассматриваем его как нечто ужасное и можем обозначить термином «терроризм». Исламский терроризм представляется как парадигма террора потому, что его мотивы непонятны, средства бесчестны, а достигаемые цели не предполагают мира. Это верно, но следует иметь в виду, что и современная война, в

особенности, «война против террора» нередко с трудом может быть различима от предмета борьбы. Эта война сильно напоминает усилия собаки, стремящейся укусить свой хвост. Следствие порождает причину, и наоборот. Следует понять, что мы становимся заложниками придуманного нами самими мифа о терроризме.

Примечания

¹ «Критические Исследования Терроризма» восходит к «Критической Теории» и Франкфуртской школе философии. Его существо сводится к нескольким основным положениям. Прежде всего, терроризм представляет собой результат социального конструирования. По этой причине знание о терроризме не может быть нейтральным или изолированным от механизмов власти и социального контекста. Изучение терроризма должно быть междисциплинарным и рефлексивным. Оно предполагает исследовательскую этику социальной эмансипации и имеет в качестве цели безопасность человеческой личности, а не безопасность отдельно взятого государства. Ключевым изданием этого подхода является журнал «Критические Исследования Терроризма»: www.tandf.co.uk/journals/titles/17539153.asp. См. также Стэнфордскую энциклопедию по философии: <https://plato.stanford.edu/entries/critical-theory/>

² Можно полагать, что победа терроризма заключается уже в том, что он заставил весь мир поспешно отказаться от свободы в обмен на безопасность.

³ Видимо есть смысл бороться с войной или «войнизмом» по аналогии с терроризмом. Но невозможно бороться с терроризмом, не воюя с «войнизмом», поскольку одно вытекает из другого.

⁴ Я буду придерживаться того различия между терминами «террор» и «терроризм», которое существует в английском языке. Терроризм – это совокупность действий и источник террора, террор систематический и концептуальный. Террор – это результат терроризма.

⁵ Как все имеющее отношение к политическому, терроризм имеет в качестве основания Бога и Аристотеля.

⁶ Прежде термин применялся, если вообще применялся, очень избирательно и всегда с определением: ирландский, палестинский, криминальный и т.д.

⁷ В одном интервью Шамиль Басаев сообщил, что он не террорист, но «диверсант». При этом он не отрицал ни одного факта убийства невинных людей. Можно предположить, что террорист – это «злой диверсант». Басаев считал себя «добрым диверсантом».

⁸ Я разделяю известный скептицизм по отношению теории справедливой войны. Как утверждал Карл Шмитт, справедливая война, эта та, которую ведем мы, несправедливая – наши противники.

⁹ Определение терроризма должно следовать примеру определения снега в языке эскимосов. В этом языке, как известно, не существует слова, соответствующего тому, что мы называем «снег». Существуют десятки слов для обозначения различных его разновидностей. По той простой причине, что «снег» представлял бы пустую абстракцию для людей, которые привыкли иметь дело с практическим использованием конкретного вида снега, но не снега вообще. Нечто подобное происходит и с терроризмом, как только мы начинаем иметь с ним дело как с массовой и повседневной практикой. Он распадается на множество «терроризмов», которые никак не связаны между собой. Единственное, что объединяет эти имена, это наш страх, заключенный в самом термине «терроризм». Но задача ведь как раз и состоит в том, чтобы этот страх преодолеть. Преодолев же страх, мы более не видим терроризма вообще, но видим конкретных людей, которые пытаются спровоцировать в нас парализующий ужас в силу разных причин. К их числу относится и наша собственная политическая элита, в немалой степени паразитирующая на этом, умело подогреваемом, ужасе. Угроза исходит не от террористов, но от конкретных людей, прибегающих к насилию и подогревающих этот ужас, как, впрочем, и от наших собственных комплексов. По этой причине не нужно бороться против терроризма. Нужно вести войну с конкретными противниками и делать это достойно.

¹⁰ Я не претендую на новую классификацию терроризма. Моя задача заключается не в том, чтобы привести все виды терроризма к единому основанию, а как раз наоборот, показать, что этого основания не существует. Террористическое действие беспредметно само по себе, в

том смысле, что оно привязано к разнородным институциональным системам действий. Всякий раз, когда мы ставим необходимый вопрос о цели и смысле террора, террор перестает быть террором, но возвращается в лоно войны, восстания и т.д.

¹¹ Я делаю это исключительно из-за отсутствия лучшего имени, лучшей теории и вообще недопонимания природы новейшего терроризма. Вполне может оказаться, что терроризм судного дня есть в действительности вполне себе рациональный или хотя бы ценностно-рациональный.

¹² Более подробную, но концептуально отличную от этой, характеристику разновидностей террористического действия можно найти в другой моей публикации (Кашников, 2008б).

¹³ Массовое восстание в Чечне против российской власти в 1994 году вполне можно считать мстью за массовую депортацию чеченцев Сталиным.

¹⁴ Стать жертвой террористического нападения куда менее вероятно по статистике, чем выиграть в лотерею.

¹⁵ Так называемая «доктрина двойного эффекта» оправдывает гибель гражданских лиц во время военных действий, если они совершены непреднамеренно. Таким же точно образом Аль-Каида оправдывала убийство мирных граждан в Нью-Йорке в сентябре 2001 года, ссылаясь на то, что целью было уничтожение башен-близнецов, а не убийство мирных граждан, которые там оказались. Убийство было хотя и предполагаемым, но не преднамеренным. Ничего большего нельзя

требовать от принципа дискриминации. Разумеется, если вы проиграли войну, вас осудят за нарушение норм международного права, поскольку судить будут победители.

¹⁶ Я не уверен, что они работают и для войны. Но это другая проблема.

¹⁷ Философский метод, который я применяю в этом случае, – это кантовский нормативный конструктивизм.

¹⁸ То обстоятельство, что радикальные исламисты не взорвали до сих пор ядерный заряд, говорит лишь о том, что в этом нет необходимости. Во всяком случае, такой вывод можно сделать, читая внимательно работу Аллисона, ведущего эксперта США по атомному терроризму (Allison 2004).

¹⁹ И. Кант в «Критике способности суждения» утверждал, что даже войне при определенных обстоятельствах нельзя отказать в возвышенности.

Библиография

Allison, G. (2004). *Nuclear Terrorism. The Ultimate Preventable Catastrophe*. New York: Henri Holt and Company, 272 p.

Araj, B. (2008). *Harsh State Repression as a Cause of Suicide Bombing: The Case of the Palestinian-Israeli Conflict*. *Studies in Conflict and Terrorism*, 31 (4).

Bacevich, A. (2005). *The New American Militarism. How Americans are Seduced by War*. Oxford, Oxford University Press, 226 p.

- Brecher, R. (2007). *Torture and the Ticking Time Bomb*. London: Wiley-Blackwell, 120 p.
- Flannery, F. L. (2016). *Understanding Apocalyptic Terrorism. Countering the radical mindset*. London: Routledge, 288 p.
- Fotion, N., Kashnikov, B., and Lekea, J. K. (2007). *Terrorism. The New World Disorder*. London: Continuum. 190 p.
- Gross, M. (2010). *Moral Dilemmas of Modern War. Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 321 p.
- Hardt, M., and Negri, A. (2004). *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: the Penguin Press, 448 p.
- Hewlett, N. (2016). *Blood and Progress. Violence in Pursuit of Emancipation*. Edinburg: Edinburg University Press, 208 p.
- Jackson, R., Jarvis, L., Gunning, J., and Breen-Smyth, M. (2011). *Terrorism. A Critical Introduction*. New York: Palgrave Macmillan, 304 p.
- Kahn, P. W. (2008). *Sacred Violence. Torture, Terror and Sovereignty*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 248 p.
- Kashnikov, B. (2017). The Disenchantment of Victory and Ethical Dilemmas for Military Leadership: Sovereignty, the Spell of War and Elusiveness of Victory. Olsthoorn, P., ed. *Military Ethics and Leadership*. Leiden, Boston: Brill, Nijhoff, pp. 266-287.
- Kashnikov, B. N. (2008a). Chechenskiy terrorizm. Vzlet i padenie [Chechen terrorism. Rise and fall]. *Rossiyskiy nauchnyj zhurnal*, no. 2 (3), p. 70-77.
- Kashnikov, B. N. (2008b). Priroda terroristicheskogo deystviya. Problemy i primery [The nature of the terrorist act. Problems and examples]. In: Grokhotova V., Kovalev B., and Makarova A., ed. [online] *Mezhdunarodnoe*

soobshchestvo i globalizatsiya ugroz bezopasnosti [The international community and the globalization of security threats]. Sbornik nauchnykh dokladov. Pt. 1. Istoricheskie, teoreticheskie i pravovye aspekty protivodeystviya ugrozam natsional'noy bezopasnosti. Velikiy Novgorod: NovGU imeni Yaroslava Mudrogo, p. 10-49. Available from: http://window.edu.ru/resource/162/59162/files/ass_part_1.pdf.

Kashnikov, B. N. (2009). Eticheskoe sodержanie i smysl russkogo terrorizma kontsa XIX – nachala XX veka [Ethical content and meaning of Russian terrorism end of the XIX – early XX century]. In: Apresian R., ed. *Filosofiya i etika. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu A. A. Guseynova* [Philosophy and Ethics. Collection of scientific works for the 70th anniversary of A. A. Huseynova]. Moscow: Al'fa-M, pp. 593-605.

Kelsey, J. (1993). *Islam and War*. Louisville. KY.: Westminster: John Know Press, 149 p.

Khosrokhavar, F. (2005). *Suicide Bombers. Allah's New Martyrs*. London. Ann Arbor, MI: Pluto Press, 288 p.

Koppiters, B., Foushin, N., and Apresian. R., ed. *Nravstvennye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral limitations of war: problems and examples]. Moscow: Gardariki, R. 2002, 407 p.

Lebow, R. N. (2010). *Why Nations Fight. Past and Future Motives for War*. Cambridge: Cambridge University Press, 318 p.

Malesevic, S. (2017). *The Rise of Organized Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 340 p.

McMahan, J. (2009). *Killing in War*. Oxford: Oxford University Press, 272 p.

- Miller, M. A. (2013). *The Foundations of Modern Terrorism. State Society and the Dynamics of Political Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 306 p.
- Morozov, N. A. (1880). *Terroristicheskaya bor'ba* [Terrorist struggle]. London: Russkaya tipografiya, 14 p.
- Rae, J. D. (2014). *Analyzing the Drone Debate. Targeted Killing, Remote Warfare, and Military Technology*. New York: Macmillan, 147 p.
- Ross, D. (2004). *Violent Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 192 p.
- Ryle, G. (1949). *The Concept of Mind*. London: Hutchison House, 314 p.
- Shmitt, K. (2007). *Teoriya partizana. Promezhutochnoe zamechanie k poniatiyu politicheskogo* [The theory of the partisan. Intermediate remark to the concept of political]. Moscow: Praxis, 301 p.
- Solomon, H. (2016). *Islamic State and the Coming Global Confrontation*. Springer, 132 p.
- Tirman, J. (2011). *The Deaths of others. The Fate of Civilians in American Wars*. Oxford: Oxford University Press, 416 p.
- Walzer, M. (2000). *Just and Unjust War: A Moral Argument with Historical Illustrations*, 3rd. Edn. Basic Books, 361 p.
- Weber, M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, 880 p.